

Богом, и непреложность однажды установленных законов. Сделав уступку принципу непротиворечивости и собственной непреложности, Божья воля — полная хозяйка своего выбора и сочетания сущнос-

Глава IX. Философия в XIV веке

454

тей. Она не подчиняется правилу добра — наоборот, это правило находится в ее подчинении. Если Бог пожелает сотворить какую-либо вещь, она будет хороша. И если бы Он захотел других нравственных законов, нежели те, которые установил, эти законы были бы праведны и правильны, ибо праведность и правильность — ниже воли Бога, и всякий закон справедлив только потому, что согласен с Его волей. Дальше идти нельзя, не впадая в картезианство. Но для этого нужно стереть всякое различие между пониманием и волей Бога.

Эта двойственность тенденций, которая привела Дунса Скота к строгому подчинению сущностей Богу с одновременным подчеркиванием различий формальных совершенств Бога, отражается и в его концепции самих сущностей. Мы видели, что Дуне Скот не придерживается платоновских идей и настаивает на более позднем происхождении сущностей относительно мысли Бога. В этом смысле он меньший платоник, чем св. Фома. Но сущности, поскольку они однажды произведены, это — противоречие, которое становится истинным, и Дуне Скот признает за формами большую реальность, чем св. Фома. Его реализм форм выражен прежде всего в известной теории «формального различия», которая восходит к древнему учению о множественности форм. Дуне Скот понимает это различие как посредствующее звено между различием, производимым разумом, и реальным различием. Это не следует смешивать с томистским различием, производимым разумом «*cum fundamento in re*»*, ибо то, на чем основано формальное различие Скота, отнюдь не является основанием томистского различия. Формальное различие у Скота имеет место всегда, когда интеллект способен внутри некоего реального бытия обнаружить одну из формальных составляющих, обособленную от других. Понимаемые таким образом «*formalitates*» являются одновременно реально различными в мысли и реально едиными в самом единстве субъекта. Впрочем, эта доктрина согласуется с тем

способом, которым в учении Скота объясняется образование понятий. Они тоже пред. полагают реальную автономию формы в единстве конкретного субъекта. Универсалия — так, как мы ее понимаем, — есть результат абстрагирования, произведенного нашим интеллектом над вещами. Однако, замечает Дуне Скот, если бы универсалия была чистым продуктом интеллекта, не имеющим никакой опоры в вещах, то не было бы никакого различия между метафизикой, объектом которой является бытие, и логикой, объектом которой являются понятия. Более того, всякое знание было бы просто логикой: «*omnis scientia esset logica*». Чтобы избежать такого вывода, Дуне Скот, как мы видели, считает сущность равно безразличной и к универсальному, и к индивидуальному, но фактически содержащей и то и другое. Таким образом, универсалия — это продукт интеллекта, имеющий свое основание в вещах. Неопределенность сущности доставила нам материю, а наш действующий интеллект должен лишь, так сказать, собирать ее в индивидах, чтобы придать ей универсальность.

Следовательно, нужно допустить, что реальное само по себе не есть ни чистая универсальность, ни чистая индивидуальность. То, что оно не является чистой индивидуальностью, вытекает из самого факта, что мы путем абстрагирования способны